

Памяти филиппинистов В. А. Макаренко и Л. И. Шкарбан

Аффиксальное заимствование в тагальском именном словообразовании

1. Введение

1.1. Продолжительные контакты тагалога с испанским языком колонизаторов (сер. XVI – нач. XX вв.), обладавшим высоким престижем, привели, даже в отсутствие широкого двуязычия [Lipski et al. 1996], к заметным изменениям в тагалоге как языке-реципиенте. Массовое лексическое заимствование оказало влияние, в частности, на тагальское словообразование. Испанизмы в тагальском языке рассматривались в работах целого ряда лингвистов (например, С. Лопеса, Х. Панганибана, Р. Гуле, Д. Зорка, Д.-Х. Рау, П. Штайнкрюгера, Ж.-П. Поте и др.), однако заметно меньше внимания уделялось морфологическому заимствованию («трансферу», «копированию») из испанского в тагалог (см., например, [Alcántara 1999; Wolff 1973; 2001; Stolz 2012; Baklanova 2004; 2016; см. тж. Рачков 1981, с. 59-60]).

Исследования испанизмов проводятся в мировой лингвистике на материале различных языков. Аффиксальное заимствование из испанского зарегистрировано в, частности, в целом ряде языков американских индейцев и языков Австронезии – (см. например, [Quilis, Casado-Fresnillo 2008; Stolz, Bakker and Palomo 2008; Chamoreau 2012; Muysken 2012; Stolz 2012; Seifart 2015; Hajek, Williams-van Klinken 2019]). Первая общедоступная электронная База данных аффиксального заимствования [Seifart 2020] представляет данные из различных языков мира по 657 заимствованным аффиксам, в т.ч. испанского происхождения, однако информация о морфологических элементах, заимствованных в тагалог, до сих пор не включена в AfBo. Настоящая работа посвящена характеристике и месту заимствованных испанских именных суффиксов в дери-вационном инвентаре тагальских существительных.

1.2 Сведения о тагалоге. Тагалог, или тагальский язык, входит в центральнофилиппинскую подгруппу филиппинских языков, относящихся к западно-малайско-полинезийской ветви австронезийской языковой семьи. Еще до вторжения испанцев на архипелаг (в 1521 г.) тагалы мигрировали на юг острова Лусон, где тагалог стал главным языком Манильского и соседних районов. Испанская колонизация островов в XVI-XIX вв. способствовала распространению тагальского языка в качестве

неродного на большей части Филиппин [Reid and Schachter 2008, p. 833; см. т.ж. Lipski et al. 1996].

На сегодняшний день из ок. 170 автохтонных языков Филиппинского архипелага тагалог является родным почти для четверти населения, ок. 25 млн. человек [Ethnologue 2020; см. т.ж. Фролова 2019]. Его стандартизированный манильский диалект под официальным названием «филипино» (*Filipino*) выполняет роль государственного языка страны [Wolff 2006, p. 472; Reid and Schachter 2008, p. 833]¹; вторым официальным языком Республики Филиппины является английский, что закреплено в Конституции 1987 г. Филипино/тагалогом как неродным языком владеют ок. 45 млн. филиппинцев; английским языком как неродным в разной степени владеют ок. 50 млн. жителей страны [Ethnologue 2020], он является «вторым *lingua franca* после самого филипино» [Reid and Schachter *Ibid.*]. Для современной языковой ситуации в стране характерен массовый англо-филиппинский билингвизм [Thompson 2003; Bautista 2004; Фролова 2019].

Тагалог (далее – ТЯ) – агглютинативный язык с развитой системой глагольного слово- и формообразования. Наиболее распространенные способы деривации в ТЯ – аффиксация и редупликация, а словосложение периферийно. В классе имен доминируют аффиксированные и корневые (безаффиксальные) словоформы [подроб. Макаренко 1970; Рачков 1981; Шкарбан 1995; De Guzman 1996]. При этом число префиксов в ТЯ преобладает над числом суффиксов. Как будет показано далее, заимствование испанских суффиксов внесло изменения в дистрибуцию аффиксов в именном классе ТЯ.

Морфологический инвентарь тагалских глаголов, существительных и прилагательных имеет много общих элементов, в т.ч. аффиксов [Shkarban 2004]. Деление на лексические категории в тагалогe более ориентировано на семантику – морфологию, нежели на синтаксис [De Guzman 1996, p. 320]. По определению Л. И. Шкарбан, словоформа в ТЯ отождествима как именная, или адъективная, если: «1) при наличии аффиксов в ней нет залогового показателя; 2) словоформа вообще не содержит аффиксов» и ударного редупликатора [Шкарбан 1995, с. 50]. Как и в других австронезийских языках, в исконно тагалской морфологии отсутствует категория рода, пол человека обозначается аналитически – с помощью атрибутивной конструкции с существительными *lalaki* ‘мужчина’ или *babae* ‘женщина’: *anak=na lalaki* ‘сын’ (букв. ‘отпрыск-мужчина’), *guro-ng babae* ‘учительница’ (букв. ‘педагог-женщина’). В работе будет также отмечена роль испаноязычных суффиксов в фор-

¹ Высказывается также мнение, что филипино является «развитием и продолжением тагалского языка, формирующейся наддиалектной <...> формой, возникшей в условиях сильного полиэтнизма» [Фролова 2019, с. 234].

мировании «маргинальной категории рода» в ТЯ [Stolz 2012; Baklanova 2016].

1.3. Задачи и материал исследования. В работе рассматривается влияние испанских заимствованных суффиксов на модели именной деривации ТЯ. Для определения преимущественного характера заимствования («прямого» или «непрямого») испанских номинативных суффиксов в ТЯ применен метод Ф. Зайфарта [Seifart 2015].

Испанские словообразовательные модели в ТЯ представляют особый интерес, т.к. начиная с XX вв. на тагалог и другие филиппинские языки оказывает сильное влияние английский язык ввиду массового англо-филиппинского билингвизма на Архипелаге [см. напр. Thompson 2003; Bautista 2004]. В связи с этим к исследованию привлечены как (а) синхронные, так и (б) диахронные материалы: (а) Лейпцигский корпус (ЛК) тагальских новостей, блогов и публицистики на ТЯ 2012-2016 гг. (ок. 18 млн. словоформ, из них ок. 472 тыс. уникальных), а также «Новый тагальско-русский словарь» [Рачков 2012], включающие лексику XX-XXI вв. и отражающие, таким образом, влияние английского языка на современный ТЯ; (б) испано-тагальские словари [Lopes, Bensley 1895; Calderón 1915] как лексикографические источники к. XIX – нач. XX вв., т.е. периода до широкого распространения английского языка на Филиппинах.

Отметим, что, поскольку ударение в тагалоге является фонемическим, в работе принят следующий способ отображения ударений и гортанной смычки /ʔ/ в финали словоформ:

báta ‘халат’ (в учебных текстах и словарях не отображается)

batá ‘терпящий’ (обычно отображается как ‘ ‘ ’)

báta? ‘ребенок; молодой’ (обычно отображается как ‘ ‘ ’: *batà*)

batá? ‘прислуживающий’ (обычно отображается как ‘ ^ ’: *batâ*).

2 Тагало-испанский языковой контакт

2.1. Филиппинский архипелаг находился под властью Испании с 1521-1565 гг. по 1896-1898 гг., когда в результате освободительной революции и вмешательства войск США испанское правление сменилось американским [см. напр.: Левтонова 1979]. В силу целого ряда факторов [Lipski et al. 1996, p. 272], в т.ч. особенностей языковой политики [Фролова 2019, с. 47-51], испанский язык так и не стал ни языком значительной части населения, ни *lingua franca* в регионе, он обслуживал в основном колониальную администрацию и узкую прослойку местной элиты. Согласно данным переписи населения 1870 г., лишь около 2,46 % жителей Филиппин говорили по-испански [Lipski et al. 1996, *Ibid*]. Хотя с нач. XIX в. число испано-филиппинских, в первую очередь испано-тагальских, билингвов заметно увеличилось, де-факто испанский ос-

тался языком филиппинской социальной верхушки до конца периода испанского колониализма, а также и в нач. XX в., в первые десятилетия правления американцев [Thompson 2003, p. 17]. Тем не менее, испанский как коммуникативный код элиты обладал высоким престижем на Архипелаге и за 300 с лишним лет оказал значительное влияние на культуру и языки Филиппин. В результате тагало-испанского контакта произошли изменения в различных ярусах тагало, включая морфологию. Интенсивность контакта оценивается по меньшей мере как степень 3 по шкале Томасон и Кауфмана [Thomason, Kaufman 1988, p. 77-78] – «более интенсивный»: наличие билингов и социальных факторов, способствующих заимствованию; усвоение значительного объема испанской лексики, в т.ч. базового словаря; заимствование словообразовательных морфем (-ero/a, -ito/a, -ado/a, de- и др.); расширение фонемного инвентаря ТЯ, изменения в фонотактике, и др. [подроб.: Vaklanova 2017].

2.2. Вытесненный из региона контактный язык может сохранять свое влияние в реципиенте как источник топонимов и антропонимов; как инструмент образования терминов в вытеснившем его языке; как язык меньшинств – все это справедливо в отношении испанского языка на Филиппинах [McFarland 1980, p. 15]. По меткому замечанию Р. Томпсона, «испанский исчезает с Филиппин как живой язык, оставляя в повседневной речи лишь испанский слой, который не воспринимается большинством как испанский» [Thompson 2003, p. 66, *перевод мой – Е.Б.*].

Вытеснив с Архипелага испанцев, уже с 1900-х гг. США проводили успешную политику по внедрению английского языка во все основные сферы жизни филиппинцев. Однако испанский язык сохранялся в судебной и некоторых официальных сферах вплоть до Второй Мировой войны [Thompson 2003, p. 63]. К 2016 г. 50 млн. чел. из ок. 105 млн. населения Филиппин владели английским как неродным языком; число филиппинцев, знающих испанский, снизилось до полумиллиона [Ethnologue 2020]. По подсчетам различных исследователей, объем испанизмов в современном ТЯ составляет от 20 % до 30 % лексики, в то время как число английских заимствований оценивается как 6 – 8 %. Так, Д.-Х. Рау на выборке из 1074 лексем по тагальскому словарю Л. Инглиша (1987) выявил 32 % испанизмов и 8,6 % англицизмов в тагалоге [Rau 1992, p.101]. Анализ большего объема данных – корпуса публицистических и художественных текстов за 2005-2015 гг. из 37500 лексем (135000 токенов) – показал следующее соотношение испанских и английских заимствований разных типов в тагалоге (филипино) нач. XXI в.: 20,2 % – ассимилированные испанизмы (0,2% с сохранением орфографии донора); 6 % неассимилированные англицизмы (варваризмы, или *nonce borrowings*, из них 0,2% – английские варваризмы в тагальской деривационной рамке) и только 1,5 % – ассимилированные англицизмы [Vaklanova 2017, p. 333-334, 353].

Отмечено, что, вследствие влияния контактного испанского слоя на тагало, одной из моделей ассимиляции англицизмов стала их «испанизация»: фонетико-морфологический состав заимствования подвергается носителями ТЯ уподоблению испаноязычной лексики [Wolff 2001; Baklanova 2004]. Основными способами изменения англицизмов по аналогии с испанизмами являются: а) подстановка суффиксов, входящих в состав испанизмов, вместо соответствующих или сходных с ними английских морфем (примеры (1), (2), (3)), или б) добавление испаноязычной финали *-o* (реже *-a*, обычно для маркирования словоформы женским родом) к англицизмам с именной и адъективной семантикой, как в (4), (5), (6):

- (1) англ. *trumpet-er* > таг. *trumpet-éro* ‘трубач’ (ср. исп. *trompetista*)
- (2) англ. *casual-ty* > таг. *kaswali-dád* ‘несчастный случай; жертва’ (ср. исп. *accidente; victima*)
- (3) англ. *plann-ed* > таг. *plan-ádo* ‘запланированный’ (ср. исп. *planificado*);
- (4) англ. *host* > таг. *host-o* ‘хозяин; ведущий’ (ср. исп. *anfitrión; presentador*)
- (5) англ. *fabulous* > таг. *pabulós-o/-a* ‘восхитительный/-ая’
- (6) англ. *defective* > таг. *depektib-o* ‘дефектный; плохой, неудовлетворительный’ (ср. таг. *depektóso* ‘дефектный, испорченный’ от исп. *defectuoso* ‘дефектный, ошибочный’).

Наличие маркированных по роду именных пар испанизмов в ТЯ обусловило осмысление гендерной семантики экспонентов *-o/-a* в их составе. Трансфер испанских суффиксов с экспонентами *-o/-a* в ТЯ способствовал развитию в современном тагалоге маргинальной категории рода [Stolz 2012, p. 100-101]. В ее рамках согласование в ТЯ может устанавливаться только между именами лиц как контролером и лексемами с испаноязычными маркерами рода как мишенью [Baklanova 2016, p. 31-32], к последним относятся испанизмы (7), тагальские гибридные неологизмы с испанскими суффиксами (8), испанизированные англицизмы (9):

- (7) *Isa na siya ngayong mistery-ósa=ng babae* (Balita, 12-05-2018)
‘Теперь уже она некая загадочная=FEM женщина’

и

- Anne binasag ang pagiging mistery-óso ni Dennis* (PhilStar, 09-10-2016)
‘Анн разрушила загадочность=MASC Дэнниса’;
- (8) *Nawala ang pagiging komikero at daldal-éro ng Concert King sa stage* (PhilStar, 20-01-2015)
‘Перестал быть комиком и болтуном-MASC Концертный Король на сцене’

и

Daldal-éra kasi, female personality kinatatakutan ng mga basketball player (PhilStar, 04-05-2016)

‘Поскольку болтушка=FEM, этой особы женского пола опасаются баскетболисты’;

(9) ... *masilip namin kung pabulos-o rin ito* (PhilStar, 02-01-13)

‘... мы посмотрим, восхитителен=MASC ли и этот [актер] тоже’

и

... *babaeng tinaguriang pabulos-a* (PhilStar, 10-09-13)

‘женщина, считающаяся восхитительной=FEM’.

Таким образом, в современном тагалоге сохраняется влияние испанского контактного слоя, что отражается в: i) наличии тагальского словообразования с испанскими аффиксами; ii) явлении «испанизации» как изменения заимствуемых англицизмов по аналогии с испанизмами; iii) развитии «маргинальной категории рода» на базе испанизмов, испанизированных англицизмов и тагальских дериватов с испанскими суффиксами, маркированными по роду. Все три явления основаны на заимствовании испанских аффиксов в ТЯ.

3. Испанские суффиксы в тагальском именном словообразовании

3.1. В литературе имеются подтвержденные примеры деривации тагальских или ранее заимствованных иноязычных основ с такими испанскими морфологическими элементами, как: а) в качестве именных: агентивные суффиксы *-ero/a*, *-ista*; диминутивные *-ilyo* [< исп. *-illo*], *-ito/a*; и б) в качестве адъективных: суффикс *-ado/a*, а также притяжательный предлог *de*, заимствованный в качестве «квази-префикса» *de-so* значением «обладающий свойством/предметом» [напр. Рачков 1981, с. 59; Wolff 1973, 2001; Alcántara 1999; Baklanova 2017]. В рамках нашей работы с корпусным и лексикографическим материалом (см. п. 1.3.) предпринят анализ суффиксальных дериватов группы (а), которые относятся к существительным в тагалоге.

К основным моделям тагальского именного словообразования относится префиксация, конфиксация и другие аффиксальные комплексы, редупликация, конверсия, в то время как доля суффиксации незначительна [см. напр. Рачков 1981]. В исконно тагальской морфологии в образовании существительных участвуют аффиксы и аффиксальные комплексы «общего глагольно-именного инвентаря» и несколько именных деривационных аффиксов, представленных только префиксами [Шкарбан 1995, с. 38-42].

В области именной деривации выделяют три группы явлений: образование абстрактных имен действий и свойств; образование имен лиц и вещей; образование особой группы существительных при помощи именных префиксов *ka-* и *pa-* [там же, с. 153-154]. Производные существительные в основном образуются от именных (номинативных) и глагольных основ, число отадективных существительных весьма ограничено, учитывая, что большое число адективов являются дериватами от номинативных основ [De Guzman 1996, p. 313]. Рассмотрим исконные способы образования имен лиц и диминутивных имен в ТЯ и место, которое заняли в именной деривации испаноязычные суффиксальные модели.

3.2. Образование имен со значением лица в современном тагалоге.

3.2.1. Тагальские модели образования имен лиц [подроб.: Рачков 1981, с. 48-63; De Guzman 1996, p. 309-313] можно кратко представить в виде таблицы:

Таблица 1. Образование имен со значением лица в тагалоге²

Значение	Способ словообразования	Модель словообразования
Лицо – субъект регулярного или профессионального действия	префиксация	<i>taga-</i> + основа V <i>taga-sunód</i> ‘последователь’ <i>taga-showbiz</i> ‘деятель шоубизнеса’ (< англ.) <i>taga-pagsalitá?</i> ‘спикер’
	конверсия	<i>maŋ- +r</i> , <i>mag- +r</i> (реже) (основа V активного залога, ирреалис буд. вр. длит. вида) <i>man-lalaró?</i> ‘игрок’ <i>mag-nanákaw</i> ‘вор’
Лицо-уроженец или житель места	префиксация	<i>taga-</i> + основа N <i>taga-báyan</i> ‘горожанин’ <i>taga-Estádos Unidos</i> ‘лицо из США’ (< исп.)
Лицо со значением социатива	префиксация	<i>ka-</i> + основа N/V <i>ka-líhim</i> ‘секретарь, доверенное лицо’

² N – именная основа, V – глагольная, r – основа с частичной (односложной) редупликацией, R – основа с полной (или двусложной) редупликацией.

		<i>ka-mag-ának</i> ‘родственник (член семьи)’ <i>ka-laró?</i> ‘партнер по игре’
Два лица, образующие пару как члены опред. отношений	префиксация	<i>mag-</i> + основа N <i>mag-lolo</i> ‘дед с внуком’ (< исп. <i>abuelo</i> ‘дедушка’) <i>mag-katípan</i> ‘двое влюбленных’
Лицо – субъект подобия (малопродуктивн.)	суффиксация	основа N + <i>-(h)in</i> <i>iná-hin</i> ‘самка, мать животного’
Лицо со значением ‘ненастоящий; притворный’ (см. 3.3.)	полная редупликация +суффиксация	R+основа N+ <i>-an</i> <i>daga-dagá?-an</i> ‘игрок-мышь (в игре в кошки-мышки)’

3.2.2. Как видно из таблицы 1, суффиксация как способ образования имен лиц в исконно тагальской деривации малопродуктивна, здесь преобладает префиксация. Заимствование в ТЯ испанских агентивных суффиксов *-ero/a* и *-ista* расширяет суффиксальный инвентарь тагальского словообразования со значением ‘субъект регулярного или профессионального действия’. Наш подсчет по словарю [Рачков 2012] показал следующее соотношение испанизмов и тагальских гибридных неологизмов с данными суффиксами:

– дериваты с *-ero/a* – 155 испанизмов к 48 гибридным неологизмам (из них 20 от тагальских основ);

– дериваты с *-ista* – ок. 200 испанизмов и, в большей степени, испанизированных англицизмов к 18 гибридным неологизмам (из них 3 от тагальских основ).

Агентивные суффиксы *-ero/-era*, *-ista* в ТЯ образуют существительные со значением профессии (10), типичного поведения (11), склонности (12) с усечением финального гласного основы или гласного + смычки /?/:

- (10) *balíta?* ‘новость’ – *balit(a?)-éro* ‘репортер’
moro-móro ‘театральная постановка *moro-moro*’ (< исп. *Moro* ‘мавр’) – *moro-mor(o)-ísta* ‘артист/ драматург театра *moro-moro*’;
- (11) *bulakból* ‘черный шар (при баллотировке); прогулявший’ (< англ. *black ball*) – *bulakbol-éro/a* ‘прогульщик, бродяга, *м/ж*’
wélgá ‘забастовка’ – *welg(a)-ísta* ‘участник забастовки’;
- (12) *langís* ‘растительное масло; лезть’ – *langis-éro/a* ‘лестец/лестница’
dehádo ‘последний (в списке претендентов на победу)’ (< исп.

dejado ‘отстающий’) – *dehad-ísta* ‘(обычно) делающий ставки на аутсайдера’.

Из заимствованных испанских суффиксов наиболее продуктивен в тагалог суффикс *-ero*. Суффиксальное образование на *-ero* в ряде случаев варьирует с исконными префиксальными моделями на *mang-*, *taga(pag)-* (см. Таблицу 1), например:

- (13) *mam-bubutáng / butang-éro* ‘бандит’;
 (14) *taga-pag-balíta? / balít-éro* ‘репортер’.

3.2.3. Согласно Ф. Зайфарту, есть три основных критерия, позволяющих определить, что заимствование аффикса языком-реципиентом являлось исключительно или преимущественно «непрямым», т.е. трансфер аффикса произошел не непосредственно из языка-донора, а через усвоенные из него лексические заимствования: 1) число заимствованных дериватов («комплексных заимствований») больше, чем число гибридных неологизмов с этим аффиксом в реципиенте; 2) в реципиенте имеются пары заимствований с и без данного аффикса; 3) частотность заимствованных дериватов ниже, чем у соответствующих непроемных инолексем [Seifart 2015, p. 514].

Учитывая значительное количество пар «производный – непроемный испанизм» с испанскими именными суффиксами в ТЯ, «непроемное» аффиксальное заимствование представляется преимущественным способом трансфера испанских суффиксов. Данное предположение было проверено на материале дериватов с *-ero/a* и соответствующих им непроемных испанизмов по корпусу ЛК и словарю [Рачков 2012]. Анализ подсчета по методу Зайфарта показал следующее соотношение:

Таблица 2. Дистрибуция суффикса *-ero* в тагалог по образцу [Seifart 2015, p. 524]

КРИТЕРИЙ	Примерное соотношение
заимствованные дериваты к тагалским гибридам	3:1
заимствованные дериваты к соотв. непроемным заимствованиям	1:1
заимствованные дериваты, малоупотребительные по сравнению с соотв. непроемными заимствованиями	1:2

Как видно из таблицы 2, критерии 1 и 2 полностью соблюдены, критерий 3 выполняется частично, что в целом указывает на преимущественно непроемный характер заимствования суффикса *-ero* в тагалог. Поскольку *-ero* является наиболее продуктивным из испанских именных суффиксов в ТЯ (что характерно и для ряда других языков-реципиентов,

см. [Muysken 2012; Stolz 2012; Seifart 2015]), можно предположить, что дистрибуция остальных заимствованных суффиксов еще более соответствует критериям непрямого аффиксального заимствования. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования с привлечением диахронного языкового материала.

3.3. Образование имен с диминутивным значением в современном тагалоге. Диминутивы в основном, дескриптивном значении ‘маленький (предмет, лицо); ребенок’ представляются малопродуктивными в аффиксальном инвентаре современного ТЯ. Морфологически значение уменьшительности может быть передано путем полной редупликации («двусложного редупликатора», по [Шкарбан 1995, с. 38]) номинативной основы с присоединением суффикса *-an*. Однако данная диминутивная конструкция в большинстве случаев образует: а) от основ с предметной семантикой – существительные со значением ‘ненастоящий, игрушечный’ (15), реже с пейоративным оттенком (16); б) от имен лица – существительные в субъективно-метафорическом значении, близком к пейоративному ‘ненастоящий, притворный’. По модели «R + основа N + *-an*» образуются имена или лица (17):

- (15) *lángit* ‘небо’ – *langít-langít-an* ‘полог; тент (букв. искусственное небо)’;
- (16) *salitá?* ‘слово, речь’ – *sali-salitá?-an* ‘слухи, молва’;
- (17) *táo* ‘человек’ – *tau-taú-h-an* ‘марионетка’
sánto ‘святой’ (< исп. *santo*) – *santu-santú-h-an* ‘пренебр. святоша’.

Из двух приводимых в [Рачков 1981, с. 58] примеров диминутивных словоформ со значением ‘маленький предмет’ (*silid-silir-an* ‘комнатка’, *ilog-ilúg-an* ‘речушка’) в Лейпцигском корпусе (ЛК) и словарях обнаружена только лексема *ilug-ilúgan*. Отметим также, что словоформа *dala-daláhan* (от таг. *dalá* ‘несомое’) в проанализированном нами корпусном материале (ЛК) не обладает диминутивной семантикой и употребляется в общем значении ‘несомые вещи; возимое имущество, багаж’, например:

- (18) *Ang abasto o bagahe <...> ay tumutukoy sa mga dala-dalahan ng isang taong naglalakbay* (ЛК)
‘Поклажа или багаж означают **возимое имущество** путешественника’.

В отличие от ряда других языков-реципиентов испанского аффиксального заимствования, в которых трансферу способствовала близость типологических и семантических характеристик аффикса донора соответствующему аффиксу реципиента [см. напр. Chamoiseau 2012, p. 85-86], диминутивная конструкция в ТЯ обладает лишь некоторой функциональной конгруэнтностью в отношении испанской аффиксальной мо-

дели. Представляется, что триггером копирования испанских суффиксальных моделей в ТЯ могла также стать вышеуказанная семантическая неполнота исконной диминутивной конструкции.

Испанские диминутивы *-ito/a* и *-ilyo/a* (< исп. *-illo/a*) содержатся в целом ряде испанизмов в ТЯ и в большинстве случаев выражают базовое значение ‘маленький (предмет, лицо); ребенок’.

Так, на материале ЛК и словаря [Рачков 2012] нами выявлено 45 диминутивных испанизмов с суффиксом *-ito/a*, все они заимствованы в тагалог как существительные. Из них 44 обладают базовой диминутивной семантикой (например, в (19)), и только 1 – пейоративной (20):

- (19) исп. *esquin(a)-ita* ‘уголок’ > таг. *eskinita* ‘проулок; проход между домами’
исп. *pal(o)-ito* ‘палочка’ > таг. *palíto* ‘зубочистка, спичка; палочка’
исп. *chiqu-ito/a* ‘маленький’ > таг. *tsikito/a* ‘китайчонок, м/ж’;

- (20) исп. *niño bonito* ‘красивый ребенок, м’ > таг. *nínuyi bonítu* ‘пренебр. красавчик, смазливый’.

В тагалог диминутив *-ito/a* обладает слабой продуктивностью. По корпусу ЛК и словарю [Рачков 2012] выявлены 7 тагалогских дериватов с *-ito* в значении ‘уменьшительность по размеру/возрасту’ (21) и 2 диминутива с пейоративной коннотацией (22). Все они образованы от тагалогских или ранее заимствованных именных основ со значением предмета/лица:

- (21) *bangkó?* ‘скамья’ – *bangk(ó?)-ito* ‘скамеечка; низкий табурет’
prinsésa (< исп. *princesa*) ‘принцесса’ – *prinses(a)-íta* ‘юная принцесса’;

- (22) *bágo* ‘новый’ – *bag(o)-íto* ‘новичок; неопытный’
sánto (< исп. *santo*) ‘сущ. святой’ – *santo-sant(o)-íto* ‘перен., иронич. ангел, святой’ (конструкция аналогична исконной модели со значением «ненастоящий», ср. (17)).

Диминутивный суффикс *-ilyo/a* выявлен в 54 испанизмах по словарю [Рачков 2012] в значении ‘уменьшительность по размеру’ от имен предметов/объектов (23), дериваты от имен лиц со значением ‘уменьшительность по возрасту’ не обнаружены:

- (23) исп. *bols(a)-illo* ‘карман; сумочка’ > таг. *bulsilyo* ‘маленький карман; маленький кошелек’

исп. *curs(o)-illo* ‘короткий курс’ > таг. *kursilyo* ‘подготовительный курс в семинарии’.

Суффикс *-ilyo* в ТЯ демонстрирует самую слабую продуктивность из всех испаноязычных суффиксов именной деривации. На синхронном материале обнаружено только 2 тагалогских деривата в значе-

нии «уменьшительность по размеру/возрасту» (24) и 3 деривата от усвоенных тагалогом испанских основ, два из которых обладают пейоративной коннотацией (25):

(24) *bangkól?* ‘скамья’ – *bangk(ól?)-ilyo* ‘скамеечка для ног’
bináta? ‘юноша’ – *binat(a?)-ilyo* ‘мальчик-подросток’;

(25) *bigóte* (< исп. *bigote*) ‘усы’ > *bigot(e)-ilyo* ‘маленькие усики; человек с усиками’
mediko ‘медик, врач’ (< исп. *médico*) – *medik(o)-ilyo* ‘шарлатан’.

4. Основные выводы

4.1. Заимствование испаноязычных морфем заметно увеличило удельный вес суффиксации в инвентаре именной деривации современного тагалого (филипино): наряду с 5 несуффиксальными и 2 слабопродуктивными суффиксальными моделями исконного именного словообразования различную по степени продуктивности приобрели 4 модели суффиксальной деривации с испанскими суффиксами:

а. образование имени лица со значением ‘субъект регулярного или профессионального действия; склонности’ с суффиксами *-ero/a*, *-ista*;

б. образование имени лица, или предмета со значением ‘уменьшительность по размеру/возрасту’ (и в ряде случаев с пейоративным оттенком) с диминутивами *-ito/a*, *-ilyo/a* (исп. *-illo/a*).

При этом модели (а) расширили словообразовательную парадигму агентивных имен, создав предпосылки для свободного варьирования с исконной префиксальной моделью «*taga-* + основа V» и конверсионной «*maŋ-* +г». Испанские модели (б) дополнили инвентарь исконной диминутивной деривации ТЯ (модель «R+основа N+ *-an*») конструкциями с базовыми значениями ‘маленький (предмет, лицо); маленький по возрасту’.

4.2. Метод Зайфарта [Seifart 2015] может быть успешно применен для определения преимущественного характера аффиксального заимствования в ТЯ. Анализ дериватов с *-ero/a* по критериям Зайфарта показал, что трансфер данного испанского суффикса в тагалог происходил опосредованно, через заимствованные испанские дериваты и при условии наличия в реципиенте пар однокоренных не-/производных испанизмов. По нашей предварительной оценке, суффиксы *-ista*, *-ito*, *-illo* также могли быть усвоены ТЯ преимущественно через непрямое заимствование.

4.3. Испанские заимствованные суффиксы в ТЯ стали эффективным инструментом «испанизации» англицизмов как способа их фонетической ассимиляции в реципиенте. Это, с одной стороны, способствует активному усвоению новой английской лексики, а с другой, приводит

к возникновению в ТЯ значительного числа испано-английских частичных и ложных когнатов.

4.4. Частичная продуктивность суффиксов *-ero/a*, *-ito/a*, *-ilyo/a*, маркированных по роду, способствует дальнейшему развитию и расширению лексической базы маргинальной категории рода в тагалоге.

Литература и источники

1. Левтонова Ю. О. *История Филиппин. Краткий очерк*. М.: Наука, 1979.
2. Макаренко В. А. *Тагальское словообразование*. М.: МГУ, Ин-т восточных языков, 1970.
3. Рачков Г. Е. *Введение в морфологию современного тагальского языка*. Л: ЛГУ, 1981.
4. Рачков Г.Е. *Новый тагальско-русский словарь*. Том 1,2. СПб: СПбГУ, 2012.
5. Фролова Е. Г. *Языковые изменения на Филиппинах в контексте языковой ситуации*. М.: Ключ-С, 2019.
6. Шкарбан Л. И. *Грамматический строй тагальского языка*. М.: Восточная литература, 1995.
7. Alcántara y Antonio T. *Mga Hispanismo sa Filipino (Batay sa Komunika-syong Pangmadla ng Filipinas: Pag-aaral Lingguwistiko)*. Quezon City: UP Diliman, 1999.
8. Baklanova, Ekaterina. Interference in Tagalog as a Result of Borrowing // *Pilipinas. A Journal of Philippine Studies*, No. 42 (March), 2004. Canberra. P. 95–116.
9. Baklanova, Ekaterina. On marginal gender in Tagalog: A case study // *Материалы XII Международной научной конференции Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки LESEWA (Москва, 16-17 ноября 2016 года)*. М.: Языки Народов Мира, 2016. С. 25–33.
10. Baklanova E. On contact-induced changes in modern Tagalog: A case study // *Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические перспективы и глобализация. Сборник статей*. СПб: Нестор-История, 2017. С. 329–359.
11. Bautista Ma. L. Tagalog-English code-switching as a mode of discourse // *Asia Pacific Education Review*, Vol. 5, Issue 2, 2004. Seoul. P. 226–233.
12. Calderón, Sofronio G. *Diccionario Ingles-Español-Tagalog (Con partes de la oracion y pronunciacion figurada)*. Primera edición. Manila: Libreria y papeleria de J.Martinez, 1915.

13. Chamoreau, Claudine. Spanish diminutive markers -ito/-ita in Mesoamerican languages: a challenge for acceptance of gender distinction // Vanhove, Martine and Stolz, Thomas and Urdze, Aina and Otsuka, Hitomi (eds.), *Morphologies in Contact*. Berlin: Akademie Verlag, 2012. P. 71–89.
14. De Guzman, Videa P. Lexical categories in Tagalog // Mark Alves, ed. *Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics*, Vol. 1. Mahidol University, 1996. P. 307–396.
15. Hajek, John and Catharina Williams-van Klinken. Language Contact and Gender in Tetun Dili: What Happens When Austronesian Meets Romance? // *Oceanic Linguistics*, Vol. 58, no. 1, June 2019. Univ. of Hawaii Press. P. 59-91.
16. Lipski, John and Peter Mühlhäusler, F. Duthin. Spanish in the Pacific // Wurm, S. and P. Mühlhäusler, D. Tryon, (eds.). *Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 271-298.
17. Lopes, José M., Bensley, Edward R. *Nuevo diccionario inglés-español y español-inglés*. Paris: Garnier, 1895.
18. McFarland, Curtis. *A linguistic atlas of the Philippines*. Tokyo, 1980.
19. Muysken, Peter. Spanish affixes in the Quechua languages: A multidimensional perspective // *Lingua* Vol. 122, 2012. P. 481–493.
20. Quilis, Antonio and Celia Casado-Fresnillo. *La lengua española en Filipinas: Historia, situación actual, el chabacano, antología de textos*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2008.
21. Rau, Der-Hwa V. Language contact in the Philippines // *Philippine Journal of Linguistics*, Vol. 23, no. 1, 2, June & December 1992. Manila. P. 91-109.
22. Reid, Lawrence and Paul Schachter. Tagalog // *The World's Major Languages* (2nd edition), edited by Bernard Comrie. London: Routledge, 2008. P. 833-855.
23. Seifart, Frank. Direct and indirect affix borrowing // *Language* Vol. 91, No. 3. 2015. P. 512-534.
24. Seifart, Frank. *AfBo: A world-wide survey of affix borrowing*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2020 // [сайт] URL: <https://afbo.info/> (дата обращения 03.05.2020).
25. Shkarban, Lina. On Tagalog morphology in the context of parts-of-speech typology // *Malay and Indonesian Studies*, ed. by Natalia Alieva, Issue XVI (collection of articles in memory of B.B. Parnickel). Moscow, 2004. P. 314-324.

26. Stolz, T., Bakker, D., and Salas Palomo, R. (eds.). *Hispanisation. The Impact of Spanish on the Lexicon and Grammar of the Indigenous Languages of Austronesia and the Americas*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2008.
27. Stolz, Thomas. Survival in a niche. On gender-copy in Chamorro (and sundry languages) // Vanhove, M., Stolz, T., Urdze, A. (eds.). *Morphologies in Contact*. Studia Typologica Series (Book 10). Berlin, Boston: Akademie Verlag, 2012. P. 93–140.
28. Thomason, S.G. and T. Kaufman. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. University of California Press, 1988.
29. Thompson, Roger. *Filipino English and Taglish: language switching from multiple perspectives*. Amsterdam, 2003.
30. Wolff, John. The character of borrowings from Spanish and English in the languages of the Philippines // *Journal of Philippine Linguistics*, no. 4(1), 1973. Manila. P. 72–81.
31. Wolff J. The influence of Spanish on Tagalog // K.Zimmerman and T.Stolz (eds.). *Lo propio y lo ajeno en las lenguas austronésicas y amerindias. Procesos interculturales en el contacto de lenguas indígenas con el español en el Pacífico e Hispanoamérica*. Frankfurt am Main: Vervuert, 2001. P. 233–252.
32. Wolff, J.U. Tagalog // Keith Brown (ed.) *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd edition. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 472–475.
33. ЛК – Leipzig Corpora Collection (2017). *Tagalog community corpus based on material from 2017. Leipzig Corpora Collection. Dataset* // [сайт] URL: https://corpora.uni-leipzig.de?corpusId=tgl_community_2017 (дата обращения март-июнь 2020).
34. Balita – [электронная газета] *Balita* // [сайт] URL: <http://balita.net.ph/> (дата обращения 20.12.2018)
35. Ethnologue 2020 – Eberhard, David M., Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World. Twenty-third edition*. Dallas, Texas: SIL International, 2020 // [сайт] URL: <http://www.ethnologue.com> <http://www.ethnologue.com> (дата обращения 16.06.2020).
36. PhilStar – [электронная газета] *Pilipino Star Ngayon* // [сайт] URL: <https://www.philstar.com/pilipino-star-ngayon> (дата обращения 20.12.2018).